

Категории «осознанность/неосознанность», «конкретность/абстрактность» при выражении, описании, назывании эмоций в речи

Ирина Николаевна Литвинчук

*Крымский экономический институт
Киевского национального экономического университета
кафедра общественных дисциплин*

Литвинчук Ирина Николаевна – старший преподаватель кафедры общественных дисциплин Крымского экономического института Киевского национального экономического университета, а так же сотрудник кафедры методики преподавания филологических дисциплин ТНУ им В. И. Вернадского. Кандидат филологических наук. Диссертация на тему «Прагматика эмотивного текста (психосемантическое исследование)» защищена в КНУ им. Тараса Шевченко по специальности «общее языкознание (психолингвистика)» в 2000 году. Сферой научных интересов являются психолингвистика, социальная психология, психотерапия, теория социальных коммуникаций, современные PR – технологии.

В статье осуществлен анализ экспрессивных, дескриптивных, номинативных эмотивных ситуаций речи на основе психосемантического и концептуального подхода. Выявлена корреляция между категориями «осознанность/неосознанность», «конкретность/абстрактность» эмотивной семантики клишированных синтаксических конструкций с различным морфологическим способом оформления предиката.

В статті здійснено аналіз експресивних, дескриптивних, номинативних емотивних ситуацій мовлення на підставі психосемантичного й концептуального підходу. Виявлена кореляція між категоріями "усвідомленість/неусвідомленість", "конкретність/абстрактність" емотивної семантики синтаксичних конструкцій з певним морфологічним засобом оформлення предикату.

There is an analysis of expressive, descriptive nominative emotive situations in speech on the basis of psychosemantical and conceptual approach. There was revealed the correlation between the following categories: consciousness and unconsciousness, concreteness and abstractiveness of the emotive semantics of the cliched syntactic constructions with different morphologic means of the predicate formation.

Ключевые слова: эмотивная синтаксическая конструкция, эмотивная ситуация, эмотивный предикат.

При речевом выражении или описании эмоций посредством клишированных синтаксических конструкций [1] можно говорить о степени осознанности выражаемой эмоции, эмоционального состояния, так как психологи выделяют различные уровни осознания, трактуя понятия субъективного переживания, сознания и осознанности [6]. З. Фрейд отмечал: "Если бы эмоции, чувства и аффекты были бессознательны, они были бы вне рассмотрения" [3]. Однако он допускал возможность "вытеснения", "неосознанности" представления индивидом переживаемой эмоции, а также неправильного ее истолкования в процессе осознания и вербализации. К. Изардом было доказано, что в последнем случае "мотивационная сила эмоции может привести к эгозащитным реакциям или к неэффективному и дезадаптивному поведению" [4]. Проблема адекватного осознания, индирования эмоций представляется одной из важнейших не только в речевой, но и в предметной деятельности ин-

«конкретность/абстрактность» при выражении, описании, назывании эмоций в речи

дива, поскольку уровень осознания феномена является показателем его мотивационной ценности, которая в свою очередь стимулирует деятельность [5]. Нейропсихологи объясняют процесс осознания и дифференциации конкретной эмоции в рамках ситуации конкурентной борьбы возбудителей эмоций: "тот возбудитель, который способствует наибольшей плотности нервного возбуждения, вызывает и осознание эмоции" [7].

Материалом исследования послужили эмотивные синтаксические конструкции (ЭК) с различным морфолого-синтаксическим способом трансляции эмотивного значения, выделенные в речевом материале проведенного автором психоэтолингвистического эксперимента [1].

Так, степень осознанности выражаемой эмоции, процесс ее осознания, вывода с понятийного уровня на глубинный, языковой и далее - на поверхностный, речевой - можно проиллюстрировать в виде следующей реплики при ответе на вопрос о чувствах и эмоциях в определенной эмоциогенной ситуации: *"Хм... Что я чувствую? Ну... это такое ощущение... Это чувство... неопределенности... Нет, скорей, я чувствую страх. Да, это... чувство страха. Точно: страх"*. Как видим, первым звеном в этом речевом дискурсе, транслирующем континуум процесса осознания, является междометный аффектив амбивалентности, выражающий некоторую неуверенность в собственных силах разобраться в своих чувствах, фиксирующий сложность задачи. Затем вербализуется аутодиректива – реплика внутреннего диалога с функцией целеполагания, прагматически вызванная вопросом и призванная не столько верифицировать задание, сколько создать ситуацию доверительности, эмоциональной пресуппозиции с семантикой эмпатии, привлечения собеседника на свою "эмоциональную сторону", разрешения войти в свой внутренний мир и лицедреть то, что происходит на сцене сознания, а, возможно, и подсознания. "Рваные" границы предложений, наличие пауз и пониженный тон произнесения свидетельствуют о явном процессе рационализации чувственного опыта, когда соотнесение психологических самохарактеристик с языковыми категориями носит далеко не случайный характер. Последующее междометие-аффектив обладает уже более конкретной, побудительно-утвердительной семантикой, поскольку субъект речи ощущает близость момента завершения сложного процесса осознания собственного, пусть даже и воображаемого, состояния и настроен более решительно и позитивно: *"Задача решена!"* Отметим, однако, что попытка индикации эмоции вылилась в грамматическую форму неполнозначного предиката-существительного с неполнозначным же определением-местоимением, указывающим на неосознанность состояния, ведь ощущение - это понятие, отражающее психофизиологический уровень активации. Затем осуществляется переход на более высокий уровень осознанности: это субстантивное словосочетание неполнозначного, но более психологически релевантного существительного "чувство" и управляемой полнозначной номинации амбивалентного состояния с имплицитно негативной семантикой. Степень конкретизации автор высказывания подчеркивает при помощи категоричного "нет", как бы подводящего итог всему рассуждению и исключающего достоверность предыдущего положения, которое представляется как "рабочая гипотеза", не нашедшая подтверждения при более внимательном рассмотрении. Здесь в составе предиката неполнозначный глагол "чувствую" управляет эмотивом-существительным с эксплицитно негативной семантикой. Однако привлечение в контекст вводного слова со значением неуверенности в достоверности сообщаемого и форма предиката приводят к мысли о том, что ментальный процесс осознания эмоции еще не завершён. Последующее предложение вводится посредством утвердительного слова "да", которое также следует рассматривать как аффектив, отражающий позитивизм оценки эффективности собственных ментальных действий. Предикатом данной ЭК является субстантивное словосочетание, состоящего из неполнозначного существительного и полнозначной номинации конкретной негативной эмоции - "чувство страха". Наконец, заключительное звено формально подчеркивает завершение процесса осознания эмоционального состояния: в контекст введено обстоятельство-конкретизатор уверенности и предикат-существительное, называющее конкретную эмоцию.

Представляется возможным говорить о степени осознанности эмоциональных состояний, транслируемых в речи, опираясь на понятия выражения, номинации и описания эмоции, которые связаны с выбором ЭК различных типов в зависимости от морфологического способа выражения предиката и экспликации/импликации эмотивного значения. Выражение эмоций, подразумевающее менее всего опосредованный сознанием, рефлексивный "выброс" вербализованной эмоциональной реакции на стимульную информацию, происходит преимущественно при помощи аффективов: эмотивных междометий, эволюционно первичной формой которых можно считать вокализацию у животных, и инвективов различных типов. Описание эмоций связано с такими языковыми средствами, как кинемы и метафорические синтаксические конструкции с коннотативной, имплицитной эмотивной семантикой. Уровень осознанности при формировании вышеуказанных структур следует считать достаточно высоким. Называние эмоций и эмоциональных состояний привлекает ЭК с эксплицитной эмотивной семантикой и занимает более высокое положение в иерархии функций представления эмотивных значений по степени осознанности обозначаемого эмоционального состояния. Ранжирован-

ность осознанности в русле данного процесса связана с конкретными морфологическими способами выражения предиката в ЭК. Так, субстантивные ЭК *Чувство страха* и *Страх* представляют подуровни осознанности номинируемой эмоции: здесь решающее значение приобретает неполнозначность существительного "чувство", необходимо подразумевающее управляемый конкретизатор. Причем допущение вариативной подстановки любого конкретизатора свидетельствует о возможности "снисходительной" установки реципиента при восприятии сообщения такого рода: это еще не "страх", но "чувство страха", а чувства, как известно, в традиционном понимании достаточно неустойчивы, "обманчивы", поскольку являются атрибутами не объективной, но субъективной действительности. Дополнительным критерием недостаточной осознанности номинируемой таким способом эмоции может служить довольно характерное в подобных случаях наличие паузы между главным компонентом в словосочетании и управляемым: "*Чувство... э-э-э... Чувство... страха*". Уверенность и убежденность, подразумевающиеся в случае номинации эмоции посредством полнозначного существительного с эксплицитной эмотивной семой (*Страх*), формируют представление о завершении ментальной операции осознания конкретной эмоции.

Категория «осознанность/неосознанность» транслируемой эмотивной семантики тесно связана с категорией «конкретность/абстрактность».

В психологической теории чувства "по степени обобщенности предметного содержания подразделяются на конкретные, обобщенные и абстрактные" [2]. Действительно, можно отметить различие чувств по степени средоточения, направленности эмоциональной энергии на конкретный каузирующий объект реальной действительности (например, чувство любви к ребенку или к произведению искусства), или на обобщающе-глобальное понятие (чувство привязанности к детям вообще), или на абстрактное понятие (чувство справедливости). Эта классификационная градация отражается и в семантике ЭК.

Характерно, что вербализация говорящим субъектом собственного эмоционального состояния часто строится по дедуктивной либо индуктивной схеме, отражая не только особенности типовой эмоциогенной ситуации, но и психологические когнитивные интенции языковой личности. Так, в рамках одной и той же эмотивной ситуации (при ответе на вопрос экспериментальной беседы: "Какие чувства вызвало бы у вас надвигающееся цунами?) отмечено избрание двух различных вариантов построения эмотивного дискурса: 1) *Страх... Жуткий страх. Чувство страха...* 2) *Я думаю, у меня сразу возникнет чувство страха. Да, такой страх... Ведь в подобной ситуации все бы, каждый бы испытал страх.* Представляется, что эта вариативность не случайна, но отражает индивидуальную склонность личности к преобладанию в речемыслительном процессе дедуктивно/индуктивных операций. Так, в первом примере сначала называется эмоция как обобщенная, абстрагированная экзистенция, что подчеркивает и семантически подкрепляющий эпитет *всеобъемлющий*, т.е. страх овладевает всем, всеми; затем говорящий "спускается" на более конкретный уровень, характеризуя собственную эмоцию. Как видим, налицо дедуктивный способ "эмотивного доказывания" - от обобщенного, абстрагированного к частному, конкретизированному. Во втором примере, напротив, эксплицируется индуктивный подход, когда сначала респондент называет собственную конкретную эмоцию, а затем поднимается на более высокий, абстрактный, общечеловеческий уровень. В определенной степени этот процесс связан и с характеристиками экстравертированности/интровертированности субъекта. От внешних ситуативных условий будет отталкиваться в индивидуальном когнитивно-эмоциональном цикле экстраверт, в то время как избрание исходным ценностным ориентиром субстанций внутреннего мира, собственных эмотивных образов характерно для интровертированного субъекта.

Существует опасность подмены психологического значения слова "чувство" как термина и того значения, которое приобретает данное слово в собственно эмотивном семантическом аспекте. Если психологическое "чувство" - понятие конкретное, поскольку есть самостоятельная словарная статья, посвященная этому термину, трактующая его как обобщенное, устойчивое, социально и исторически обусловленное эмоциональное состояние (например, чувство справедливости, которое априорно присуще всем позитивно настроенным членам человеческого сообщества), то на языковом/речевом уровне эмотив "чувство" неполнозначен без конкретизатора, что является доказательством "интимности", индивидуальности его эмотивного значения.

Литература

1. Литвинчук И.Н. Эффект эмотивного текста: мультидисциплинарный подход // Материалы Первой международной конференции, посвященной памяти А.Р.Лурии. - М.: Изд-во МГУ, 1997.

«конкретность/абстрактность» при выражении, описании, назывании эмоций в речи

2. Психология. Словарь / Под ред. А.В.Петровского. - М.: Изд-во полит.лит-ры. - 1990.
3. Freud S. The basic writings of Sigmund Freud. - N.Y.: Random House, 1938. – V 1.
4. Izard C. Human Emotions. - New York: Plenum Press. - 1977.
5. Lutz C. Goals, events and understanding in Ufaluik emotion theory // D.Holland and N.Quinn (eds), Cultural Models in Language and Thought. - Cambridge: Cambridge University Press. - 1991.
6. Solomon R. The Passions. - New York: Anchor Books. - 1977.
7. The ontogenesis of grammar / Ed. D.Slobin. - N.Y.: Academic Press. - 1971.